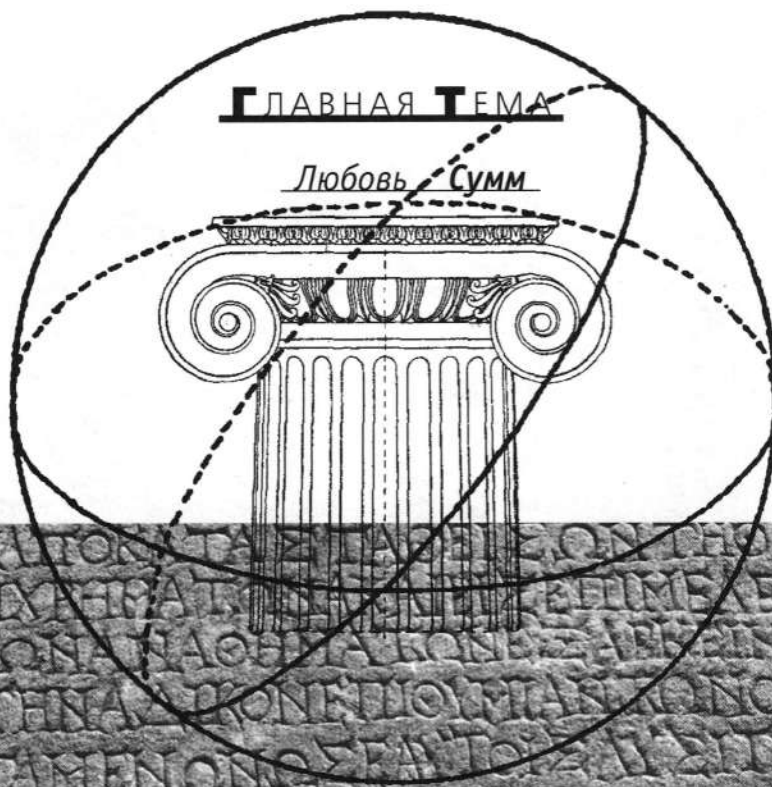

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Любовь Сумм

Библиотеки античности

Первые библиотеки человечества – храмы Муз, хранители знаний и древнейших литературных произведений. Какова их судьба? Что значили они для людей того времени и что значат их утерянные сокровища для нас?

Об этом – статья специалиста по античной литературе
Любови Борисовны Сумм.

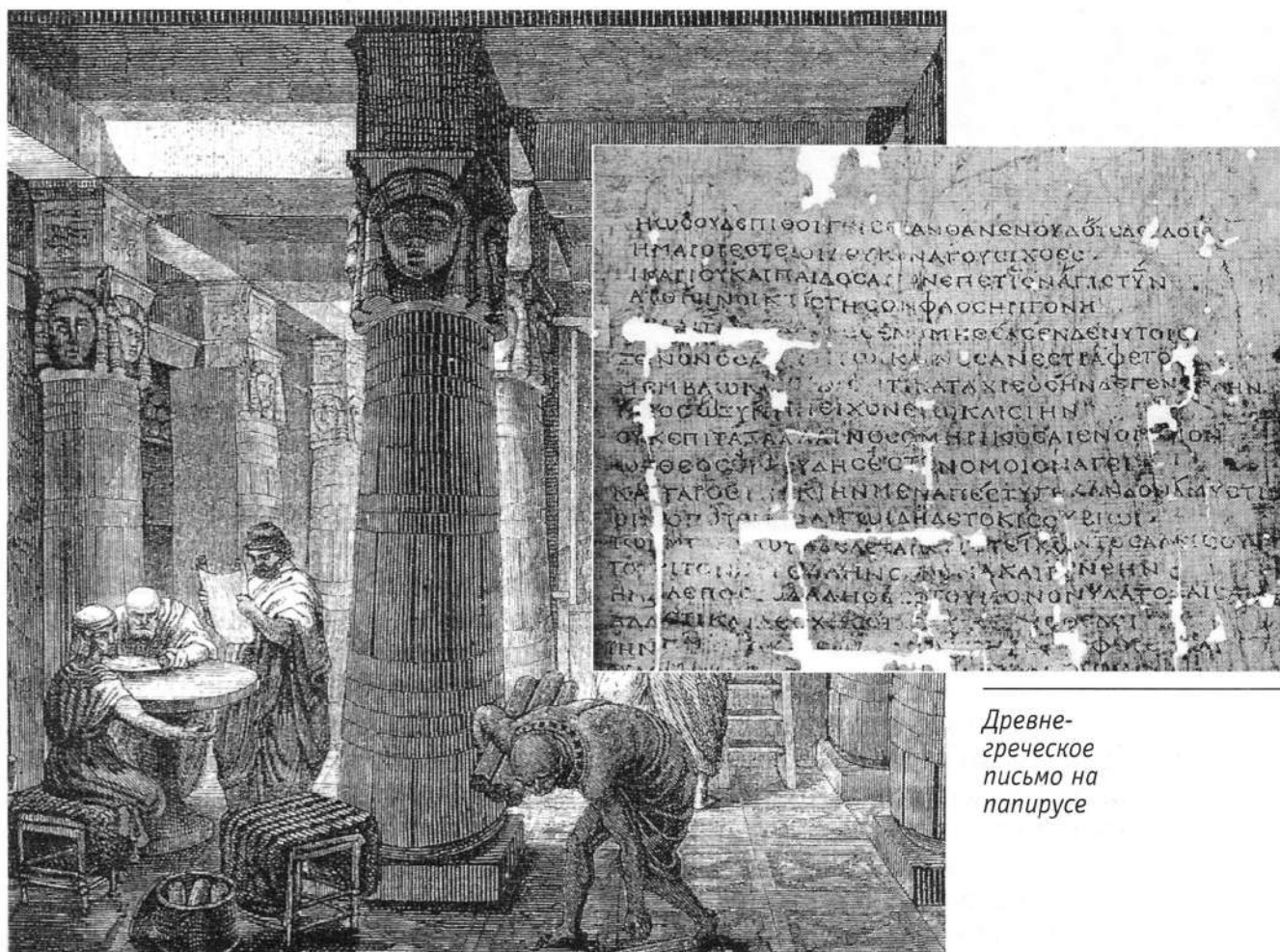
Античная литература, для нас исток и первоначало, в том мире, где она возникла, была новичком, чуть ли не выскочкой. Гомера помещают в девятый-восьмой века до н.э., запись поэм состоялась во второй половине VI века до н.э. – «только что», если сравнить с египетскими папирусами или с глиняными табличками слоговой шумерской письменности третьего тысячелетия до н.э. В такой же глубокой древности возникают и библиотеки – храмовые, государственные, возможно, и частные. Так что первооткрывателями тут эллины во-

все не были, просто удачно сошлись в их руках два основных инструмента – алфавитное письмо (за которое они благодарили финикийцев) и папирус, именуемый финикийским же именем «библ» – отсюда и «Библия», и «библиотека».

Как техническое новшество, письменность могла вызывать и подозрение: инвектива Платона против книг, которые-де приучают полагаться на внешние средства и тем самым ослабляют память и способность самостоятельно мыслить, напоминает современные возражения против

гаджетов. С другой стороны, новизна привлекательна, и в греческой драме, разыгрываемой перед поголовно грамотными гражданами Афин, возникали сцены с побуквенным чтением или изображением букв элементами балета. В конце V века до н. э. Аристофан может позволить себе в комедии сопоставление стиля Эсхила и Еврипида, ибо уверен, что среди зрителей «каждый с книжкой под мышкой». Гре-

ки, то есть увидели необходимость зафиксировать хранившееся прежде устно. Да, несколько веков передавали Гомера изустно, сложился профессиональный клан исполнителей-рапсодов, люди знали Гомера со слуха наизусть, и это, несомненно, определенным образом выстраивало их интеллект и способствовало формированию единой культуры. Однако не зря же возникла поговорка «были

Древне-греческое письмо на папирусе

Изображение Александрийской библиотеки в представлении художника XIX века Отто фон Корвена, которое частично основано на археологических свидетельствах того времени

ческая классика, невероятный расцвет Афин V—IV веков до н. э., в значительной мере питается энергией открытия: Мы все можем читать! мы все можем писать! И сам Платон оставил потомкам больше текстов, чем любой автор до него.

Это-то преимущество книг — пережить автора, говорить с теми, кто будет жить в последующих веках, — Платон сознавал. Сознали и гре-

и до Гомера поэты»: эллины догадывались, что часть устного эпоса, а также и лирики, они успели потерять.

В конце VI века до н. э. в Афинах была осуществлена масштабная издательская программа: песни Гомера были записаны, сверены версии, вычеркнуты недостоверные строки, выстроена последовательность. В таком виде «Илиада» и «Одиссея» хранились в афинском архиве и предлагались для

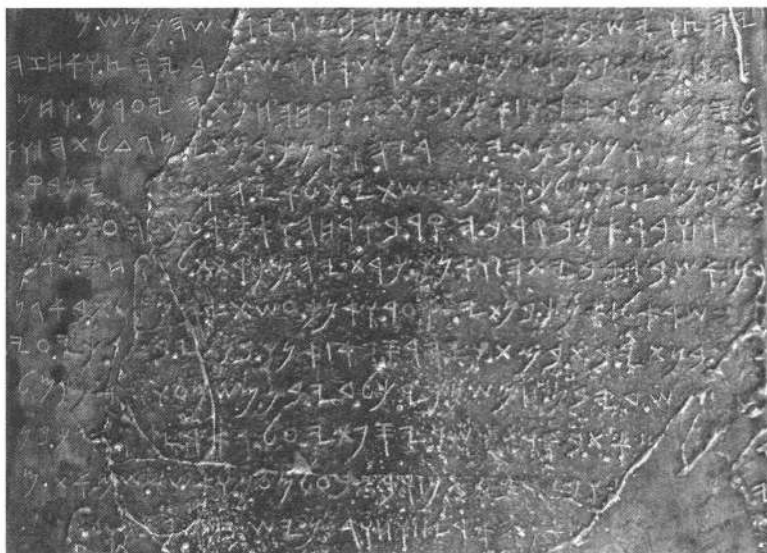
нужд школ. Так начинается греческая библиотека — с записи давно бытовавшего устно текста, с пусть еще неумелой, но филологической работы, для нужд города и школ.

За V век до н. э. гомеровские списки распространились по всему эллинскому миру. Записывали свои произведения и греческие драматурги, и не только для того, чтобы разучивать с актерами и хором, но и для вечного

ее священной. Возможно, именно страсти к устному слову способствовало тому усовершенствованию, которое греки внесли в алфавит: приняли алфавит от финикийцев консонантным¹, а сами добавили к этому набору согласных гласные — и смогли записать поэзию так, как она звучала, с растягиванием долгих слогов, с диалектными особенностями разных авторов. А появление алфавита, наилучшим образом приспособленного к записи произносимого вслух, побудило записывать и речи, и уроки софистов, а там уж и такие объемные и полные информации произведения, как «История» Геродота, — заметим, что Геродот, по ходу своей работы, читал описания Египта и Вавилона вслух, на городской площади Афин, то есть устная и письменная речь веками продолжали взаимодействовать. Слушая Геродота, афиняне убеждались в еще одной возможности папирусных свитков — соединять далекие берега, позволить любому, «сидя в кресле», как сказал бы Жюль Верн, совершать кругосветное путешествие. И эта интуиция тоже проявится в библиотеках эпохи эллинизма: библиотека — это целый мир.

Связующим звеном между классической эпохой активного творчества и возмущений против «новоизобретенной письменности» и эллинистическим культом библиотек послужил Аристотель. Платон насмешливо отзывался о его жилище — «Дом Чтеца». Действительно, каждый трактат Аристотеля включает тщательный разбор мнений его предшественников и современников (и мы видим, какой огромный пласт научной и философской литературы был написан за столетие с небольшим, за V век и часть IV. Разумеется, до нас почти ничего не дошло — но благодаря применению письменности все это было, во-первых, создано, а во-вторых, со-

¹ Консонантное письмо — изображающее только согласные фонемы, гласные определяются на основании знания читателем грамматики языка. Консонантное письмо — переходная стадия от слогового письма к письму, отражающему все звуки речи, т. е. алфавитному. (Прим. ред.)

Финикийское письмо

хранения в городском архиве. К текстам драм добавлялись дидакалии — краткое содержание, год постановки, какое место в союстянии трех драматургов заняла пьеса. Это прообраз аннотаций и других «текстов к текстам», начало издательской и библиографической работы.

До такого активного использования письменности, то есть до рубежа VI—V веков до н. э., существует лишь поэзия — она гораздо легче запоминается и может выжить устно. И отчасти Платон прав в том, что поэзия обладает множеством мнемотехнических приемов, которые не только способствуют запоминанию конкретного текста, но и развивают собственный инструментарий памяти у каждого слушателя. Греки чтити поэтическое слово именно в устной форме — трепета перед писанной книгой у них так и не возникло, а уж тем более желания объявить

хранено хотя бы в этих цитатах и пересказах). Аристотель предугадывает дальнейший путь книжности — порождать тексты из текстов, впитывать в себя уже написанное, прежде чем написать свое.

Занимался Аристотель и редакторской деятельностью, он выправил текст «Илиады» и «Одиссеи» для того, чтобы по ним учить Александра Македонского, и царь-завоеватель всюду возил их в ларце. У античных филологов существовал термин для этой авторитетнейшей рукописи: «Та, из ларца». Сам же Аристотель собственные труды завещал ученику Феофрасту, затем традиция на время прервалась, и уже в I веке до н. э. с участием также и римлян, увлекшихся греческой мудростью, тексты Аристотеля выправлялись и становились общим достоянием.

Так Аристотель собирательством книг, редакторской работой, заботой о будущем своих текстов, попыткой выстроить цепочку «правопреемников» приуготовил прославленную Александрийскую библиотеку. Немаловажно и то, что философ воспитал царя-библиофила. Александр имел обыкновение проверять, есть ли в школах греческих городов полный список Гомера, и зашлал нерадивых учителей, много читал сам и намечал создание библиотек в основываемых городах.

Один из полководцев Александра, Птолемей, получив при разделе завоеванных территорий Египет, немедленно озаботился созданием в Александрии Музея и Библиотеки. Музей тоже был библиотекой — похожей на современное открытое пространство, где читались лекции, устраивались выставки, проводились дискуссии, горожане и заезжие могли просто зайти полюбоваться-послушать. Огромное количество книг в открытом доступе, и переписчики, делающие копии на заказ. Библиотека же была гигантским архивом, в котором несколько поколений царей пытались собрать буквально «всё», написанное когда-либо на греческом, а также переводы с языков покоренных народов

(так возникла и Библия на греческом, Септуагинта).

Ревность царей о библиотеке толкала порой на неприглядные поступки: то под огромный залог выпросят из афинского архива канонический свод трагедий, сделать список — а вернуть копию, оставив оригинал себе и махнувши рукой на залог. То из соперничества с Пергамом наложат санкции на продажу папируса, чтобы лишить тамошнюю библиотеку возможности размножать тексты, — а Пергам освоит названный в его честь пергамент, и это опять же повлияет на судьбы книг. Папирус прекрасно хранится в египетских песках, из огромной «помойки» Оксирина уже более ста лет археологи извлекают обрывки свитков из частных и городских собраний. В европейском климате, особенно за пределами Средиземноморья, папирус гнил — и там вечным оказался пергамент, вот и выжили античные книги в «темные века» раннего Средневековья.

Пергамент изменил и самую форму книг — от свитка к тем сшитым или склеенным вместе листам в переплете, что до недавнего времени были основным инструментом чтения и для нас, пока не появилась электронная книга и читалка в телефоне, возмутительное новшество для многих, для античника же — родной свиток, проматывающийся справа налево. Изменил пергамент и форму работы: свиток приходится держать в обеих руках, его невозможно копировать в одиночку, делать выписки тоже не очень удобно. Александрийский переписчик — не средневековый монах, склоняющийся над томом и копирующий буквы, порой не умея составить их в слова. Это совместная работа, кто-то читает свиток вслух, кто-то с голоса записывает, потом требуется сверить копии или оформить сделанные выписки. Устное и письменное все еще не расходятся далеко, сама работа с книгой — форма человеческого общения.

Так из общения людей и книг возникла «филология», удивительная наука, ибо по образцу других «логий» —

биологии, геологии — она должна бы пониматься как «наука о любви», «логос о любви», но понимает себя как «любовь к слову». И это любовь порождающая — комментарии, каталоги, словари, аннотации, краткие изложения. Это тоже литература, и она была востребована, ученые люди приобретали регулярно обновляемые каталоги Александрийской библиотеки, различные тематические списки, выверенные редакции, даже изложения и комментарии.

Так великая библиотека просуществовала более полутора веков, при семи Птолемах. Восьмой Птолемей решил опереться на туземное население, вернуться к египетским корням, и всех иноземных ученых, то есть греков, выгнал прочь. Многие из них переместились в Рим и принесли туда учености плоды (через полторы с лишним тысячи лет так же отправятся в Италию библиофилы после падения Константинополя, и с этого начнется расцвет гуманизма и книгопечатания).

Александрийская библиотека работала еще долго, несколько раз горела, пока не была уничтожена окончательно. Конечно, любой филолог нет-нет, да и вздохнет о той библиотеке, что была образом мира, где было «всё» — и насколько иным было бы наше знание античной, в особенности эллинской литературы, если б библиотека выстояла и против римского завоевания, и против христиан, и против мусульман. Да, конечно, мы получили несколько десятков трагедий и комедий из полутора-двух тысяч. Рассыпались в прах почти все творения Сапфо и других лириков. Были и кроме Гомера творцы эпоса, и кроме Платона и Аристотеля — философы. Утрачена третьестепенная литература, любимое «чтиво» живших тогда людей — примерно один любовный роман на два века, вот пропорция дошедшего до нас. Особенно хотелось бы увидеть тексты, создававшиеся в библиотеке, — эти каталоги, пересказы, комментарии, все новые и новые способы свернуть «весь мир» в тугие свитки, соразмерные человеческому уму.

Физически ни один главный библиотекарь не успевал за свою жизнь прочесть все книги, но каждый — пытался. Усиливался и прочесть, и выправить, и аннотировать или еще как-то перевести в концентрированную форму. Единственная в своем роде, более в истории нашей культуры не повторившаяся и не могущая повториться попытка человека стать библиотекой. Удержать в одном уме, одной памяти все сотворенное, как мог удерживать человек дописьменной эпохи. Платоновский парадокс настиг главных библиотекарей: если письменный текст создан в подмогу моей памяти, а моя память не в силах вместить даже перечень письменных текстов вверенной мне библиотеки, разве утраченное не превышает объемом и не теснит то, что удалось сохранить, и не пора ли приравнять такую память к забвению?

В Рим изгнанники привезли как раз итоги своей работы. Никто не мог бы переместить сотни тысяч свитков Александрийской библиотеки — везли выверенные рукописи канонических авторов, тех, кто уже стал классикой; везли словари и справочники, списки хранившегося в библиотеке, краткие изложения, конспекты. И эти краткие своды стали распаковывать, — на свой лад толкуя, переводя, перелицовывая, — римские авторы. Римская комедия — переделка аттической. Цицерон — пересказчик Платона и его преемников. Катулл — переводчик Сапфо; Лукреций подслащает медом поэзии горечь материалистического учения Демокрита; Вергилий открыто состязается с Гомером. Эта литература — как и наша — литература «постбиблиотечная». Она прошла через усилие сохранить всё, через утрату и разлуку, съезжилась так, чтобы поместиться в ореховой скорлупе — и вновь произвела библиотеку размером с мир.

«И море, и Гомер — все движется любовью».

*Любовь Борисовна Сумм,
кандидат филологических наук,
переводчик*